

«ЦИФРА», ПОСТЧЕЛОВЕК И КИБОРГИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В. В. Волков

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Констатируется, что лексемы *цифра*, *постчеловек* и *киборг* в современном публичном дискурсе выступают как средство речевого манипулирования. Эти лексемы применительно к «наивному» сознанию носителей языка, не обладающих специальными познаниями, нуждаются в интерпретациях, основывающихся на строгих лингвистических процедурах. Задача статьи — методами когнитивной лингвистики и филологической герменевтики выявить и интерпретировать неявные значения и смыслы этих лексем и соотносительных с ними понятий.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика, цифра, трансгуманизм, постчеловек, морфосемантика, манипуляция сознанием.*

Существительное *цифра* и его производное — прилагательное *цифровой* используются в самых разных сферах современной жизни и в публичном дискурсе с неопределённо широким кругом участников, большинство которых не обладает глубокими специальными познаниями в математике или кибернетике, технике или экономике (так называемые наивные носители языка). Какие актуальные смыслы прячутся за привычными значениями лексем *цифра* и *цифровой*? Насколько новая семантика, с одной стороны, очевидна для «наивного» реципиента, бессознательно ориентированного на фиксированные в толковых словарях общеупотребительные значения, и насколько, с другой стороны, фантомный, а следовательно, опасный характер этой семантики очевиден специалистам? Насколько сами специалисты по современным информационным технологиям сознают скрытые угрозы, связанные с «цифрами» и с фундаментальными «цифрой» идеями трансгуманизма о «постчеловеке» и «киборге»?

Вынесенные в название статьи лексемы «*цифра*» (в завышенном виде, поскольку имеется в виду не общеизвестное словарное, а новое терминологическое значение), *постчеловек* и *киборг* используются в современном публичном дискурсе как именованья таких феноменов, которые якобы реально существуют либо находятся в стадии вхождения в реальность. Однако «предметно-вещная», реальная бытийность феноменов, обозначаемых данными лексемами, представляется отнюдь не очевидной, во многом это не реальные феномены, а семантические фантомы — симулякры.

Цель данной статьи — показать, что подспудно декларируемая данными лексемами соотносённость с реальностью частично носит фантомный характер, что часть представлений, которые ими модулируются, к «предметно-физической», «вещной» реальности имеет опосредованное отношение, а именно: не отношение «знак (слово) — денотат / референт (феномен реальной или возможной действительности, обладающий “вещной” бытийностью)», но отношение «знак (слово) — сигнификат как “умственный конструкт”, лукаво притворяющийся осязаемой вещью».

«Лукавое притворство» в рассматриваемом случае основывается на метонимии как отношении смежности, то есть «вместе, рядом расположенности во времени и пространстве» некоторых феноменов: в поле зрения реципиента оказывается некоторый феномен (1), обладающий в его глазах реальной бытийностью, что ведёт к некритическому приятию бытийности некоторого феномена (2), который на деле является фантомом, «семантическим призраком» (симулякром), но в силу смежности с феноменом (1) воспринимается как тоже обладающий бытийностью.

Задачи статьи сводятся к тому, чтобы, основываясь на методологическом аппарате когнитивной лингвистики и следуя традициям филологической герменевтики, вскрыть метонимически-фантомную природу обозначаемого лексемами «*цифра*», *постчеловек*, *киборг*, а именно: 1) основываясь на академических словарных данных, установить компонентный состав семантики данных лексем (лексико-семантический анализ); 2) интерпретировать полученные сведения

(феноменолого-герменевтический синтез); 3) реконструировать модулируемое данными лексемами восприятие и понимание их денотативно-референциальных смыслов как соотносящихся к реальностью; 4) эксплицировать семантические процессы, приводящие к смешению реального и фантомного в восприятии семантики рассматриваемых лексем.

Ключевое для данной работы понятие «**симулякр**» в предельно краткой характеристике — «семантический фантом». По философскому определению, симулякр — «...способ осуществления событийности, который реализуется в акте семиозиса и не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно-символической... <...> Фундаментальным свойством симулякра <...> выступает его принципиальная несоотнесённость и несоотнесимость с какой бы то ни было реальностью» [10, с. 900]. В другом определении: симулякр (от лат. *simulacrum* 'образ, подобие') — «...псевдовещь, замещающая реальность, образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие. <...> Чтобы стать чистым симулякром, образ проходит ряд последовательных стадий, где отражение глубинной реальности сменяется её деформацией, затем — маскировкой её отсутствия и, наконец, — утратой какой-либо связи с реальностью, заменой смысла анаграммой... <...> Симуляция выдаёт отсутствие за присутствие и смешивает всякое различие между реальным и воображаемым» [14, с. 860].

«Цифра» и цифровой, кибернетика и кибернетический. На сайте Правительства РФ во вкладке «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» размещено значительное количество документов, которые включают выступающие в функции терминов словосочетания с прилагательным *цифровой*: *цифровое развитие* (доминанта всего ряда), *цифровая трансформация /технологии/платформа/новостка/профиль/ контур*, однокоренное существительное *цифровизация*, а также название профильного министерства. Толкования или пояснения семантики прилагательного *цифровой*, определения понятий, номинируемых словосочетаниями с этим прилагательным, на сайте Правительства не представлены [12].

Прогулка по просторам Интернета побуждает предположить, что прилагательное *цифровой* в приведённых словосочетаниях можно понимать через такие (условные) синонимы либо семантически смежные слова, как *электронный*, *вычислительный*, *электронно-вычислительный*, *компьютерный*, *кодовый*, *счётный*, *двоичный*, *мультиме-*

дийный и др. Однако название имеющегося в нашей стране *Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций* плохо соотносится с полученным квазисинонимическим рядом при доминанте *цифровой*, наталкивает на близкий, но иной ряд семантически смежных слов, а именно — с доминантой *кибернетика/кибернетический* и такими составляющими, как *вычислительный*, *счётно-решающий*, *электронный*, *компьютерный*, *программный*, *самообучающийся*, *коммуникационный* и др. — вплоть до выводящего на совсем иной уровень размышлений словосочетания *искусственный интеллект*.

Самостоятельный подбор читателем, далёким от властных структур, близких по значению слов с целью осмыслить официальную терминологию едва ли можно считать оптимальной стратегией установления взаимопонимания между властью и населением. Понимание прилагательного *цифровой* и связанных с ним терминов, начиная с *цифровой экономики*, вызывает затруднения не только у «наивных» носителей языка, но и у специалистов, ср.: «В настоящее время общепризнанное определение понятия цифровой экономики не выработано ни в отечественной, ни в иностранной литературе. Оно не закреплено в российской нормативной правовой базе»; «...под цифровой экономикой в общем случае понимается производство благ на основе использования цифровых технологий» [7, с. 109, 107]; *цифровая экономика* — «...подсистема экономики традиционной, отличающаяся активным использованием цифровых технологий и оборотом специфических электронных товаров» [5, с. 38]. Как видим, *цифровая экономика* трактуется через словосочетание *цифровые технологии*, которое также остаётся без определения. Какие смыслы и какая реальность (экономическая, политическая, социальная) связана с этой терминологической неологией, неясно; специально исследовавший этот вопрос А. П. Сегал отмечает необычную «метонимическую трансформацию» терминов *цифра* и *цифровой* и утверждает, что эта трансформация выступает как средство конструирования фиктивного обозначаемого, «*обозначающего без обозначаемого, т. е. симулякра*» [15, с. 2898–2899].

С тем, что в терминах, ассоциируемых с *цифрой*, налицо необычная «метонимическая трансформация», согласимся, однако отметим: существо этой трансформации нужно по возможности ясно и точно охарактеризовать, после чего, как явствует из существа самого феномена метонимии, ожидается, что одно из двух (возможно, более) зна-

чений — исходное либо метонимически связанное с исходным — окажется подлинным знаком, способным к референциальному употреблению (ясному соотносению с реальностью), а другое — симулякром, к денотативно-референциальному употреблению неспособным, оказывающимся вне связи с реальностью или вводящим в заблуждение относительно существа этой связи.

Иными словами: 1) симулякр — не концепт «цифра» в целом, в потенциальной соотносённости со всем деревом значений лексемы *цифра*, не «цифра вообще»; 2) симулякр — концепт «цифра» в соотносённости с одним (или несколькими) из значений лексемы *цифра* и, далее, с соответствующими употреблениями этой лексемы и конкретизированными её смыслами.

В исходном словарном значении (общеупотребительном, общеизвестном и общепонятном) *цифра* — это «знак, обозначающий число» (есть арабские, римские цифры), а *цифровой* — «обозначенный в цифрах, выраженный в цифрах. *Цифровой результат. Цифровое выражение. Цифровые показатели урожая*» [13, с. 1466]. Ключевой семантический множитель — ‘число’, соотносящийся с представлениями о количестве (параметры ‘мало’ — ‘много’). Очевидно, что в словосочетании *цифровые технологии* и подобных ему по семантике ключевые семантические параметры — иные, связанные с компонентом ‘число’ лишь метонимически, по «смежности».

Академический толковый словарь новых слов и значений, ориентированный на отображение семантических ядер лексикографируемой неологии таким образом, чтобы новые актуальные толкования были вняты всем пользователям, включая «наивных», не обладающих специальными познаниями в какой-либо конкретной области, содержит словарные статьи с заголовочными *цифра* и *цифровой* в той семантике, которая актуальна для использования не «чисел» как таковых, но для применения в самых разных сферах жизни (техника и производство, экономика и государственное управление, образование, здравоохранение и т. д.) новых *информационных технологий*, ср.: «**Цифра**... Разг. Цифровой формат, цифровая форма представления. <...> К “цифре” пора привыкать. С каждым днём появляется всё больше устройств с новыми возможностями. <...> Новые круглосуточные передатчики рассчитаны на “цифру” и прослужат как минимум 15 лет»; «**Цифровой**... Переводящий информацию в двоичный код с помощью электронных систем; предназначенный

для обработки, хранения, передачи и т. п. такой информации. <...> *Цифровые носители данных. Цифровой компьютер. <...> Области применения компьютерной техники расширяются — уже сейчас во всём мире наблюдается бум цифровой фотографии и довольно заметно укрепляет свои позиции цифровое видео. <...> Цифровое качество связи исключает любые помехи»* [16, с. 1063].

Из приведённых толкований следует, что «цифру» в контексте информационных технологий следует соотносить с синонимическим рядом (точнее, с совокупностью семантически смежных слов, то есть с полем), привязанным к доминантам *кибернетика/кибернетический* и лексемам *компьютер/компьютерный, программа/программный* и т. п. Ключевой семантический множитель, метонимически связанный с «цифрой» в её актуальных прочтениях, — ‘управление’, что явствует из академического толкования: «**Кибернетика**... Наука об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах (в машинах, живых организмах и обществе» [13, с. 426]. Хорошо проявляется ключевая сема ‘управление’ в этимоне: *кибернетика* — из др.-гр. *kybernētikē (technē)* ‘искусство управления’ (кораблём или управления вообще) — от *kybernetes* ‘кормчий > правитель’ < *kybernao* ‘управлять кораблём > вообще управлять’ < *naus* ‘корабль’ [6, с. 911]; заметим: родственное — *губернатор* ‘рулевой > управляющий’ (из лат.).

Таким образом, семантическое ядро закавыченной нами в знак неотерминологизации лексемы «цифра» сводится к двум компонентам: ‘управление’ + ‘программа (компьютерная)’; в суммирующей интерпретации семантика современного термина «цифра» — это «управление посредством (специально создаваемых) программ, реализуемых на компьютерах — машинных носителях управляющих программ». Полученный герменевтический итог неполон: не назван **объект** управления: *что/кто* управляется «цифрой»? Цитированное выше академическое толкование кибернетики включает перечень объектов, который основывается на названии знаменитой книги Норберта Винера, одного из основоположников современной кибернетики: «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» [3]. Добавляя объект «общество», получаем **список объектов** управления: 1) живые существа (любые биологические объекты), 2) техника (машины, любые механизмы), 3) общество (любые социальные группы, вплоть до государств и их совокупностей).

Принципиально важный вопрос: кто является **субъектом** управления, *кто* управляет посредством «цифры»? Очевидно, что не «сам» компьютер и не «сама» программа, но их владельцы и/или идеологи, разработчики. Кто они? Очевидно, что этот вопрос выходит за пределы филологической герменевтики и компетенции автора данной работы, задача которой — лингвистическая проблематизация феномена «цифры» и смежных с ней явлений.

Постчеловек, трансгуманизм, поствитализм. Существительное *человек* (равно соотносительные с ним гуманитарный концепт и научное понятие) по семантике относится к числу так называемых первичных понятий, которые интуитивно ясны, однако в герменевтическом отношении поддаются лишь относительно свободному (субъективному) *разъяснению*, но не достаточно строгому *определению* (таковы и ближайшие к человеку *Бог* и *личность*).

Разъяснение осуществляется посредством перечисления фундаментальных, сущностно необходимых признаков — атрибутов, применительно к человеку — **антропологических констант**, в совокупности отображающих особенности человека как биологического, социального и духовного существа. Набор антропологических констант не является чем-то точно известным, их общепризнанного перечня не существует. Академическое словарное толкование: «**Человек**... Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессах общественного труда» [13, с. 1471]. Обратим внимание, что толкование строится опять-таки через набор «первичных понятий», ср.: что такое *жизнь* (*живое*), *мышление* (*мысль*), *речь*? Эти феномены даны как «непосредственно знаемые», как понимаемые, но внятному объяснению не поддающиеся.

Другой способ выявления антропологических констант — например, в рамках «теории метамотивации» А. Маслоу, — через набор «метапотребностей» («бытийных ценностей»), список которых можно наметить, начать, но едва ли можно исчерпать и закрыть: *истина, добро, красота, жизненность, индивидуальность, совершенство* и т. д. (см.: [9]). Частично сходный набор констант, в других формулировках, — в философской антропологии: *самотождественность, самоотрансценденция, целостность, открытость, духовность, свобода, ответственность, творческая активность* и др. [11, с. 98]. Обсуждать, что в такого рода списках нужно «оставить», а что «убрать», лишён смыс-

ла, — несомненно одно: «Фундаментальные антропологические константы — это определённые границы, при разрушении которых человек перестаёт быть человеком» [Там же].

Таким образом, в контексте проблемы границы, отделяющей (собственно) человека от *постчеловека*, ключевым является вопрос: в этом существе, которое «пост» (= «после») человека, фундаментальные антропологические константы сохраняются?

Поскольку вариантов ответа только два — «да» или «нет», отрицательный ответ очевиден. Никакой «середины» нет. Человек — «первичное» и в силу этого «абсолютное» понятие, к которому неприменимы градуальные операции типа «больше — меньше». Не может быть «больше» или «меньше» *Истины* (особенно если с большой буквы), *совершенства*, *самотождественности* и т. д. — они либо есть, либо их нет. Из истории хорошо известно, что приложение градуальных семантических операторов ведёт к разрушению понятия «человек», а в проекции на социальную жизнь — к катастрофам, как, например, в случае с *недочеловек, унтермениш*, де-факто тождественным «*не человек*» и практическим следствиям *расизма, нацизма*. Обратный пример: «сверхчеловек» возмечтал стать, как известно из Библии, Адам, и равно известно, что за этим воследовало и по сей день никак не завершится.

Отсюда: «постчеловек» — это «*не человек*».

Приведённая логическая аргументация подерживается всматриванием в особенности внутренней морфемно-словообразовательной формы лексемы *постчеловек*. Приставка *пост-* (из лат. *post* 'сзади, позади > затем, потом, после, позже, впоследствии') делит течение времени на «до» и «после» некоторой границы. Отсюда: *постчеловек* — букв. «тот (всё ещё человек?), кто *после* человека». Иными словами, на оси времени *постчеловек* «преодолеывает», а следовательно, «обнуляет», «устраняет» *человека* в привычном смысле слова и в привычном жизненном облике, в неотделимом от него наборе антропологических констант. Перевыразим это соображение в более мягкой, вопросительной форме: *постчеловек* — это «продолжение» (наличного сейчас) *человека* или его «отмена»? Если «продолжение», негласно синонимизирующееся с «развитием», «совершенствованием», то в чём оно заключается? Если «отмена», то что именно «отменяется»? И не включает ли возможное «продолжение» *человека* его «отмену» (хотя бы в чём-то)? Если включает (именно так это

и видится), тогда всё сводится только к «отмене». Пусть не всего «собственно человеческого» сразу, пусть понемногу, — существа дела это не меняет.

Чаемый адептами безоглядного (безрассудного?) техноэлектронного развития путь к постчеловеку и постчеловечеству фиксируется терминами *трансгуманизм* и *поствитализм*. В морфемно-словообразовательной внутренней форме этих лексем, как и в *постчеловек*, отчётливо прочитывается семантика «преодоления» и, далее, «обнуления» того, что ассоциируется с морфом, следующим после приставки: в случае приставки *trans-* эта семантика основывается на исходном пространственном значении «сквозь, через» (как в *трансарктический* или *транссибирский*), в случае приставки *post-* — на временном значении «после». Существо идеологии *трансгуманизма* — в «преодолении» привычного человеческого, в «перешагивании» (< *trans-*) через *homo* ‘человек’, в «преодолении» всех его констант, фиксируемых терминологизирующими именованиями типа *homo sapiens/religiosus/socialis/politicus/creativus* и т. д. (подробнее см.: [4]). Существо идеологии *поствитализма* — в «преодолении» средствами техноэлектроники *витального* (биологического). Латинское *vita* — «жизнь»; отсюда: целеполагание *поствитализма* — в «обнулении» той *жизни*, которой только и может *жить* человек, оставаясь в пределах своих антропологических констант. Можно ли, например, существование «сознания» или, тем более, «личности» в виде набора электрических импульсов считать (потенциально бессмертной) *жизнью*, как мнится *поствиталистам*? Обсуждение этого вопроса выходит за пределы компетенции автора данного материала как филолога, поскольку ответ определяется мировоззрением и ценностными ориентациями субъекта размышления. Автор солидаризируется в отношении течений типа «*пост-/транс-*» с афористически точной формулировкой В. А. Кутырева: это «...культивируемая на переднем крае познания как пост(транс)модернизм, идеология изживания человеком самого себя, объявившая об его конце во всех ипостасях...» [8, с. 64]. Фундаментальные антропологические константы по большей части в постчеловеке «минуются», — и центральный в этой ситуации вопрос: что «прибавляется» в постчеловеке по сравнению с «просто» человеком? Какие «постантропологические» константы? Есть ли они вообще, стоит ли их ожидать или, резче, культивировать, и возможна ли вообще «культивация человека»,

коль скоро чаемый «постчеловек» — творение рук самого человека?

Киборг и киборгизация. Футуристические грёзы писателей-фантастов, деятелей кино и смежных творческих сфер о киборгах как технически совершенных (био)механических имитациях людей, проникая в (науку?) футурологию и далее в плоскость делового планирования, включают в объём понятия «киборг» едва ли не любого реального человека с протезами (чем сложнее протезы — тем «киборгичнее»), а то и всё человечество, которое уже не может обойтись без технически совершенных орудий труда, вроде стиральных машин-автоматов или говорящих холодильников.

Оставляя вопрос о границах понятия «киборг» специалистам по кибернетике и инновационным технологиям, сосредоточиваем внимание на семантическом ядре лексемы *киборг*. «Предметно-физические», образные, «вещные» визуализации *киборга* для «наивного» сознания основываются на представлении о возможности органичного «синтеза» человека и машины в одном «машино-существо», «человекомашине», в двух основных вариантах: либо некий механизм антропоморфного вида с ногами, руками, туловищем и головой, либо человек с вживлёнными в его тело (в перспективе и в мозг) техническими/электронными приспособлениями. Эти обиходные представления фиксируются в авторитетных словарях русского языка.

1. Академический толковый словарь новых слов и значений синонимизирует *киборга* и *робота*: «**Киборг**... Сокр. Кибернетический организм, робот» [16, с. 453], — толкование строится «от техники», де-факто отождествляется техническое устройство («робот») и человек.

2. Словарь иностранных слов: «**Киборг**... — приспособление, в котором в определённой мере осуществлён *симбиоз* физических и интеллектуальных способностей человека и технических средств автоматизации» [2, с. 265], — толкование «от биологии и антропологии», де-факто декларируется возможность совершенствования человека за счёт «дополнения» техническими средствами.

Проблематизирующий вопрос по толкованию: «симбиоз» биологического *существа* и технического *устройства* — возможен ли? И можно ли всерьёз говорить о «симбиозе» *существа* и технического *устройства*, — если существительное *симбиоз*, по самой своей сути, являющейся из внутренней морфемно-словообразовательной формы (из др.-гр. *syμβίωσις* ‘жить вместе с кем-л.’,

где приставка *суп-* — в значении ‘вместе с...’), свидетельствует о со-жительстве, то есть совместной жизни? *Живёт* ли — в том смысле, которое мы вкладываем в слово *жизнь* — техническое устройство?

Внутренняя морфемно-словообразовательная форма существительного *киборг* основывается на скрытом плеоназме — семантической тавтологии, которая в явных случаях в экзаменационных работах школьников засчитывается как лексическая ошибка, а в терминологических играх используется как неочевидное манипулятивное средство, прокламирующее фантом под маской реальности.

Киборг — слоговая аббревиатура от словосочетания *кибернетический организм*. **Организм**, по словарным толкованиям, с одной стороны, в исходном значении (1): «Живое целое (существо или растение) с его согласованно действующими органами. <...> *Организм человека*», с другой стороны, в производном значении (2): «То, что представляет собой сложное организованное единство. *Общественный организм*» [13, с. 724].

Отметим по толкованию (1): «согласованное действие (органов)» предполагает *самоуправление*, и *организм* как «живое целое» является *самоуправляющимся* «живым целым». «Самоуправление» при этом предполагает, что управляющая инстанция — **внутри** организма (= сам организм).

Толкование (2) представления о *само-*управлении не предполагает. Напротив, толкование «сложное организованное единство» предполагает наличие **внешней** управляющей, *организующей* инстанции (например, трактор — тракторист, общество — персонифицируемые в лидере/лидерах властные элиты, компьютер и компьютеризованные устройства — заказчик/программист → программа и т. д.).

Таким образом, понятие «кибернетический» с ключевым его компонентом ‘управление’ (по показательному уточнению Н. Винера: «в животном и машине») в составе представлений о *киборге* может прочитываться двояким образом: (1) как *само-*управление, (2) как внешнее управление.

По отношению к представлениям о *киборге* как «роботе» возможно только **внешнее** управление (посредством управляющих программ), по отношению к *киборгу* как «симбиозу» человека и технических (электронных) средств возникает вопрос о соотношении (1) *само-*управления (человек сам управляет собой) и (2) внешнего (программного) управления прилагаемыми к человеку техническими устройствами.

Существительное *киборг* как *кибернетический организм*, с позиций филологической герменевтики, — некое «семантическое недоразумение»:

1) если *киборг* — это человек (с какими угодно дополняющими его техническими приспособлениями), то он **организм**, который по определению — самоуправляющаяся (то есть «кибернетическая») система *органов*; определение *кибернетический* в этом случае избыточно, плеонастично;

2) если *киборг* — это робот (хотя бы и антропоморфный), то он **не организм, а механизм**, независимо от степени сложности его изготовления.

Отсюда вопрос: по отношению к какому феномену, обладающему «предметно-физической», «вещной» реальностью использование именованного *киборг* оказывается лишённым этих противоречий? Иначе: при каком условии/условиях именование человека и/или механизма *киборгом* оказывается имеющим смысл в глазах «наивного» носителя языка, ожидающего конкретной визуализованности, «вещности»? Мой «говорящий холодильник» — киборг? Инвалид с хорошими протезами — киборг?

Два пути в поисках ответа: 1) «от человека к киборгу», то есть к гибриду, «помеси» человека и машины; 2) «от (некоего) механизма к киборгу» как машине, обретающей некое подобие человека. Оставляя за скобками вариант (2), тождественный проблеме очеловечивания машин, сосредоточиваемся на варианте (1).

Получаем: трансформация человека в киборга (= киборгизация?) возможна при условии, что человек осмысляется как механизм — «биоробот» («белковый робот»), отличающийся от технического/электронного устройства только наличием биологических компонентов. Трансгуманизм оборачивается опасной для всего человечества идеологией расчеловечивания человека. Резко и точно об этой опасности пишет С. С. Хоружий: «Действительная опасность — отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная *игра Человека на понижение* (самого себя). <...> В проекте — невообразимое, не снившееся никогда усиление мощи интеллекта, создание “суперинтеллекта”, — но вести нас к суперинтеллекту собираются, похоже, крикливые пиарщики с куриным интеллектом и одержимые с интеллектом, развитым вдоль одной прямой линии, — убеждённые, по свидетельствам, что “человек — машина из мяса, носящая в черепе компьютер”» [17, с. 30].

Человек, по философскому определению, — «биосоциодуховное существо, способное активно

действовать, приспосабливаться к обстоятельствам...» [1, с. 1024]. «Биосоциодуховное» — значит, человек принадлежит миру природы, миру людей и миру духа. В традиционном (религиозном) прочтении, человек — триада: тело — душа — дух. Следовательно, трансформация человека в «постчеловека» — киборга возможна только в случае редукции этой триады до компонента «тело», включая обеспечивающие возможность функционирования тела управляющие функции отдельных органов, в том числе мозга, который должен «мыслить», применять «суперинтеллект» строго в целях удовлетворения постоянно растущих потребностей тела, витального (пища, кров, секс, безопасность, отдых и т. п.).

Вывод: человек = киборг при условии изъятия у человека душевной и духовной составляющих. Следовательно, киборг = «человек без души» (тем более «без духа»).

В полученном выводе нет ничего нового, кроме, как надеется автор, демонстрации того пути (лингвогерменевтического), следуя которым, мы к данному выводу пришли, и прямолинейности итожащих формулировок.

В заключение — **вопрос о прогрессе и совершенстве**. Не следует ли эти характеристики путей движения в будущее посредством «цифры» — к постчеловеку, киборгу и другим трансгуманистическим новациям — заключить в кавычки? Не являются ли эти «прогресс» и «совершенство» движением инволюционным? Заметим: всё, что удаётся людям придумать и воплотить в жизнь, всегда оказывается лишь примитивным аналогом того, что возникает в результате органичного/органического развития. Несопоставимы по степени сложности, по *совершенству* — механическое подобие человека (робот-андроид) — и живое человеческое тело, крыло птицы — и самолёта, живая клетка — и сколь угодно сложная фабрика по изготовлению чего бы то ни было, человеческий разум — и искусственный «интеллект», которому недоступны живое переживание красоты и истины, потребность самопожертвования из любви к своему ребёнку или родной стране. *Прогресс* без кавычек — тоже есть, в технике и производстве. Но какое отношение имеет этот прогресс к самому человеку?

Список литературы

1. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 1091 с.
2. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. М. : Мартин, 2008. 704 с.
3. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М. : Наука, 1983. 341 с.
4. Волков В. В. Семантическое ядро концепта «Человек» в зеркале латинских и латинизированных именований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 83–92.
5. Волкова А. А., Плотников В. А., Рукинов М. В. Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 38–49.
6. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. 1043 с.
7. Зайцев В. Е. Цифровая экономика как объект исследования: обзор публикаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 107–122.
8. Кутырев В. А. Здравствуй, зомби! // Вестник Российского философского общества. 2015. № 1 (73). С. 63–67.
9. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 2011. 496 с.
10. Можейко М. А. Симулякр // Новейший философский словарь. Минск : Интерпрессервис, 2001. С. 900–901.
11. Моторина Л. Е. Философская антропология : учебник. М. : Академический Проект, 2009. 270 с.
12. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/>.
13. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с.
14. Полозова И. В. Симулякр // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+, 2009. С. 860–861.

15. Сегал А. П. «Цифра» и «цифровое общество» как симулякры XXI века (о терминологической строгости при описании процессов коммуникации) // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 3. С. 2898–2908.

16. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Эксмо, 2008. 1136 с.

17. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.

Сведения об авторе

Волков Валерий Вячеславович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета, Тверь, Россия. volk7valery@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 31–39.*

“DIGIT”, POSTHUMAN, AND CYBORGS. THE LINGUISTIC AND LINGUO-MENTAL ASPECTS

V.V. Volkov

Tver State University, Tver, Russia. volk7valery@yandex.ru

The purpose of the article is to model semantic processes taking place during hermeneutic interpretation of the terminological lexemes “digit”, “digital”, “posthuman”, “cyborg”. Scientific originality of the paper lies in the fact that these terms are analyzed from the point of view of cognitive linguistics and philological hermeneutics. The findings indicate: 1) lexemes “digit” and “digital” in relation to ordinary consciousness are synonyms to lexemes “computer” and “management”, and are means of speech manipulation in the modern public discourse; 2) a “posthuman” as a product of technical improvement of a human being cannot be regarded as a “perfect human being” in the modern sense of the word; 3) a “cyborg” is a simulacrum, a product of futuristic fantasies, a “semantic misunderstanding” based on the pleonasm of the word-combination “cybernetic organism”. The practical implications of the obtained theoretical results lie in the possibility of using them for a critical evaluation of social construction projects.

Keywords: *cognitive linguistics, philological hermeneutics, digit, transhumanism, posthuman, morphosemantics, consciousness manipulation.*

References

1. Bachinin, V.A. (2006) *Entsiklopediia filosofii i sotsiologii prava* [Encyclopedia of philosophy and sociology of law]. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Publ. 1091 p. [in Russ.].
2. Bulyko, A.N. (2008) *Bol'shoi slovar' inostrannykh slov* [Large dictionary of foreign words]. Moscow, Martin Publ. 704 p. [in Russ.].
3. Viner, N. (1983) *Kibernetika ili upravlenie i sviaz' v zhitvotnom i mashine* [Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine]. Moscow, Nauka Publ. 341 p. [in Russ.].
4. Volkov, V.V. (2015) *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, no. 1, pp. 83–92. [in Russ.].
5. Volkova, A.A., Plotnikov, V.A., Rukinov, M.V. (2019) *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4, pp. 38–49. [in Russ.].
6. Dvoret'skii, I.Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkii slovar': v 2 t.* [Ancient Greek-Russian dictionary: in 2 vol.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ. Vol. 1. 1043 p. [in Russ.].
7. Zaitsev, V.E. (2019) *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia*, no. 3, pp. 107–122. [in Russ.].
8. Kut'yrev, V.A. (2015) *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, no. 1 (73), pp. 63–67. [in Russ.].

9. Maslou, A. (2011) *Novye rubezhi chelovecheskoi prirody* [The farther reaches of human nature]. Moscow, Smysl Publ. 496 p. [in Russ.].
10. Mozheiko, M.A. (2001) *Simuliakr* [Simulacrum]. *Noveishii filosofskii slovar'*. Minsk, Interpresservis Publ. Pp. 900–901. [in Russ.].
11. Motorina, L.E. (2009) *Filosofskaia antropologiya: uchebnik* [Philosophical anthropology: textbook]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ. 270 p. [in Russ.].
12. Natsional'naiia programma "Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii" [National program "Digital economy of the Russian Federation"]. Available at: URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/>, accessed 24.05.2020. [in Russ.].
13. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2008) *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The latest large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ. 1536 p. [in Russ.].
14. Polozova, I.V. (2009) *Simuliakr* [Simulacrum]. *Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki*. Moscow, Kanon+ Publ. Pp. 860–861. [in Russ.].
15. Segal, A.P. (2019) *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, vol. 9, no. 3, pp. 2898–2908. [in Russ.].
16. Skliarevskaia, G.N. (ed.) (2008) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka nachala XXI veka: Aktual'naiia leksika* [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century: Current vocabulary]. Moscow, Eksmo Publ. 1136 p. [in Russ.].
17. Khoruzhii, S.S. (2008) *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 10–31. [in Russ.].